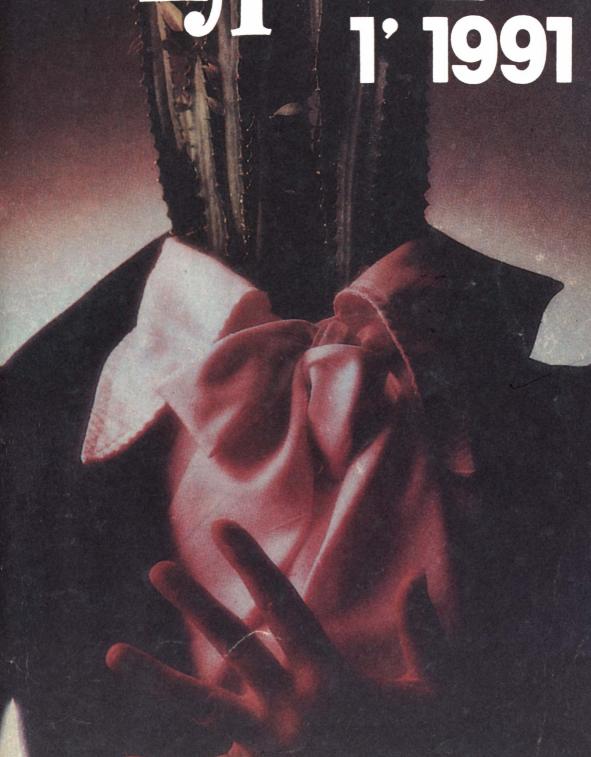

HADBER 1 1991

ЛИЧНОСТЬИ ВЛАСТЬ

Докторская степень Н. В. Тимофеева-Ресовского

© 1991

В. В. Бабков

Бабков Василий Васильевич —

старший научный сотрудник Института истории, естествознания и техники, историк науки.

Человек. 1990. № 2.

Редакция приносит читателям, а также родственникам Б. В. Тимофеева извинения за допущенную ошибку.

О ранних циклах его работ см.: Бабков В. В. Московская школа эволюционной генетики. М. 1985.

В подборке «Друзья и враги Н. В. Тимофеева-Ресовского» * приключилась путаница: из пяти писем Н. В. Тимофеева-Ресовского В. Н. Сукачеву лишь три аутентичны, два других, касающиеся утверждения докторской степени, принадлежат другому лицу, о чем говорит и стиль их, и содержание **. Там упоминается первый оппонент докторской диссертации их автора — академик (тогда член-корреспондент) В. С. Соколов, от которого я получил следующий ответ: «Дорогой Василий Васильевич, со стопроцентной гарантией свидетельствую, что последние два письма к В. Н. Сукачеву принадлежат не Н. В. Тимофееву-Ресовскому, а Борису Васильевичу Тимофееву (Ин-т геологии докембрия АН СССР в Ленинграде) — фактически пионеру нашей докембрийской микропалеофитологии, одному из моих воспитанников. Очень доволен, что путаница, возникшая по вине М. В. Куликовой, позволила письмам Бориса Васильевича увидеть свет. Без этого недоразумения и я бы не знал о их существовании (Б. В. скончался несколько лет тому назад). В. В. Меннера и Б. М. Келлера судить не хочу, оба — люди мне профессионально (и даже больше) близкие, но я никогда не понимал некоторые их поступки. Читателю же интересны штрихи к портрету нашей «ваковской кухни». 12.10.1990.

Б. Соколов»

В связи с упомянутой Борисом Сергеевичем «ваковской кухней» уместно вспомнить, что Н. В. Тимофеев-Ресовский появился в советской науке в начале 1955 г.— после 20 лет в Германии и 8 лет как бы «несуществования» вообще — без формального основания для научных занятий. У него не было ни степени, ни звания, ни университетского диплома — лишь известное имя в советской и мировой науке ***. Научная общественность приветствовала появление Тимофеева-Ресовского: «Дорогой Николай Владимирович, был бесконечно рад получить от Вас письмо... Какая радость для науки, что вновь Ваш прекрасный талант будет служить миру. ...Передал Ваш привет В. Н. Сукачеву, который был этому очень рад, он шлет Вам свой привет и просил обязательно познакомить его с Вами, как только Вы приедете в Москву. Вашего приезда в Москву будут ждать с величайшим нетерпением и удовольствием...»,— искренне и тепло писал летом 1955 г. лидер московских генетиков Николай Петрович Дубинин, выражая общее московское настроение.

Тимофеев-Ресовский отдавал много времени и сил восстановлению нормальной научной преемственности, нарушенной сталинщиной (в том числе лысенковщиной). В 1955 г. он организовал Лабораторию биофизики при Институте биологии в Свердловске и получил биостанцию в Миассово, около Ильменского заповедника. Там на берегу Большого Миассова озера начались летние «школы», продолжившие традицию летних Звенигородских работ учеников Н. К. Кольцова и С. С. Четверикова: читались лекции — весьма редкие по тем временам — по генетике, эволюции, кибернетике, учению о биосфере

Служить в научном учреждении «на воле» оказалось по крайней мере

в одном отношении затруднительней, чем в «шарашке»: лабораторией мог заведовать обладатель докторского (или кандидатского) диплома, которые выдает ВАК при Совмине — иными словами, ученый, признанный правительст-

Весной 1957 г. Ученый совет Института биологии УФАН разослал специалистам запросы в связи с намерением возбудить ходатайство о присвоении ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации Тимофееву-Ресовскому. Из ответа Р. Л. Берг: «Н. В. Тимофеев-Ресовский — крупнейший ученый с мировым именем. Его избрание в действительные члены Академии сделало бы честь Академии, укрепило бы международный престиж советской науки и было бы воспринято учеными нашей страны с чувством глубочайшего удовлетворения. Тем более не возбуждает ни малейшего сомнения необходимость присвоения ему степени доктора биологических наук».

П. Л. Капица, А. Л. Курсанов, В. Н. Сукачев написали в ВАК о своей поддержке. В ноябре 1957 г. президиум УФАН — пожалуй, по инерции обращался с соответствующим предложением в Ученый совет Ботанического

института АН СССР, но уже другие вещи составили злобу дня.

В сентябре 1957 г. рядом с Кыштымом (близ Челябинска) взорвался резервуар радиоактивных отходов; эту аварию впоследствии назвали Уральским Чернобылем. Тимофеев-Ресовский неоднократно предупреждал начальство, что «банка» должна соединяться с внешней средой (речь шла о полузакрытом саркофаге), — а это менее грамотному начальству представлялось «врецительской» мыслью: как же, выбрасывать радиацию в атмосферу.

Тимофеев-Ресовский предложил использовать образовавшуюся в результате аварии гигантскую загрязненную зону в качестве полигона для комплексных исследований последствий радиоактивного заражения (как он уже использовал ограниченные зоны постоянного сброса радиоактивных отходов). Популярное изложение сути планируемых исследований Николай Владимирович дал в выступлении, записанном на пленку в Миассово и передававшемся по радио 30 октября. В Москве эта радиопередача произвела впечатление.

К принятию проекта Николая Владимировича о создании института склонялся министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский. Но в этот момент пошла первая волна клеветнических слухов об ученом. Институт не был создан. Тимофеев-Ресовский подчеркивал открытость и комплексность — напротив, к 1959 г. был принят ряд частных засекреченных проек-

Недостаточную эффективность подобного подхода продемонстрировала ликвидация последствий аварии в Чернобыле.

В связи с планом переезда в другой научный центр возобновилось дело о защите диссертации. В феврале 1962 г. ВАК дал разрешение на защиту сразу докторской диссертации — по совокупности работ. В мае Б. Л. Астауров написал обширные свидетельские показания о том, что Тимофеев-Ресовский «не только получил высшее университетское образование, но и был после того преподавателем высшей школы, а также работал в качестве научного сотрудника». Краткое заявление в ВАК направил также Л. А. Зенкевич.

Состоявшаяся 4 января 1963 г. * защита стала праздником. Привожу

фрагменты некоторых отзывов о докладе **.

«Надо немедленно возбудить перед соответствующими инстанциями вопрос об избрании его действительным членом Академии наук СССР с предоставлением ему возможности занимать руководящие посты в биологических учреждениях Союза и тем содействовать быстрейшему развитию этой важнейшей науки в нашей стране». — В. В. Алпатов.

Еще одно предложение избрать Тимофеева-Ресовского в состав Академии наук СССР исходило от Владимира Александровича Энгельгардта. Для нужд, очевидно, отдела кадров, он обратился к некоторым видным ученым ГДР, которые знали о жизни и работе Тимофеева-Ресовского при нацизме. (Тогда уже говорили, что якобы существует фотография, запечатлевшая, — о ужас! как Тимофеев-Ресовский танцует с Евой Браун.) Среди прочих, Ганс Штуббе прислал свидетельство об участии ученого в антинацистском сопротивлении.

Однажды имя Тимофеева-Ресовского была все-таки включено в списки баллотировавшихся в члены-корреспонденты; это было, кажется, в 1966 г. Но

Николая Владимировича не избрали.

В 1938 г. Тимофеев-Ресовский стал почетным членом Итальянского общества экспериментальной биологии. Он очень ценил избрание его в 1938 г. научным членом Института мозга Общества содействия наукам им. кайзера Вильгельма (ныне — им. Макса Планка). Был с 1940 г. членом Германской

В. Бабков Докторская степень Н. В. Тимофеева-Ресовского

В публикации писем Тимофеева-Ресовского Сукачеву (Природа. 1990 № 9.) письма от 5 и 16 октября 1962 г. М. В. Куликова ошибочно датировала 1963 годом, что привело к смещению событий.

Доклад опубликован. См.: Тимофеев-Ресовский Н. В. Некоторые проблемы радиационной биогеоценологии. Свердловск. 1962.

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Ближайший сотрудник Лысенко

См. Наш Добржанский // Природа. 1990. № 3. С. 78-96.

Дубинин Н. П. Вечное движение. 1973. С. 372. (В 1989 г. вышло 3-е издание книги.)

Человек. 1990. № 2.

Академии естествоиспытателей Леопольдина. С 1974 г.— иностранным почетным членом Национальной Академии наук и искусств в Бостоне (США). Был также почетным иностранным членом Менделевского общества в Лунде (Швеция) и Британского генетического общества в Лидсе.

В СССР Тимофеев-Ресовский входил в Московское общество испытателей природы, Географическое, Ботаническое общества и был членом-учредителем Общества генетиков и селекционеров.

После защиты собрался ворох поздравительных телеграмм, но вскоре дело о присуждении степени зашло в тупик. Это совпало со второй волной невероятных клеветнических слухов. Уместна здесь история, которую рассказал зимой 1989/1990 г. Г. А. Середа, второй директор «шараги», до 1955 г. работавший с Тимофеевым-Ресовским: «Дело в том, что к Николаю Владимиро вичу как-то приезжали, я бы сказал, сотрудники Лысенко, желая завязать с ним связи. И Николай Владимирович сказал, что я, говорит, с дураком иметь дело не желаю. После чего они всячески стали его преследовать. В частности, я вам сейчас расскажу, стоял вопрос о том, чтобы ему присвоить звание доктора наук, он диссертацию свою отправил... Но значит, вот эти деятели как раз и в ВАКе заявили, что он работал на немцев, что он — опыты на людях устраивал... И вот, когда я об этом узнал, я возмущался, считал, что это клевета...»

Хорошо организованная кампания клеветнических слухов (сопровождавшая обвинение, направляемое в те или иные компетентные органы) начиналась всякий раз, когда возникала возможность социально значимого успеха для Тимофеева-Ресовского. В 60-е годы, когда шла речь об избрании Николая Владимировича в Академию наук СССР, в ЦК КПСС полетел политический донос лысенковки, бывшей сербской партизанки, Ружички Главинич, работавшей у И. Е. Глущенко *. Честное имя ученого удалось тогда отстоять — хлопотами члена-корреспондента А. А. Ляпунова и А. В. Яблокова, бывшего тогда парторгом Института биологии развития АН СССР,— но время, на что и был расчет, оказалось упущено.

Ищущий власти (если не монополии) Н. П. Дубинин включился в процесс ресталинизации, выпустив под эгидой М. А. Суслова и при поддержке М. Б. Митина автобиографию генетика «Вечное движение», где оправдывал политику партии и правительства по поддержке группы Т. Д. Лысенко — И. И. Презента. (Генетики сразу же назвали книгу «вечным самовыдвижением» и заявили о «полысении» Дубинина.) Дубинин отметил, что Тимофеев-Ресовский и Ф. Г. Добржанский ** «покинули Россию в ее трудное время, в начале 20-х годов. ...В этих условиях оставление отчизны, воспитавшей их, было ужасным. Это было непоправимым шагом, который никогда не может быть забыт» ***. Правда, эта сентенция была направлена в то время прежде всего против новейших эмигрантов, которые доставляли неприятности сусловской идеологии.

О характере антитимофеевских слухов можно судить по эпизоду, невольным свидетелем которого я был во время выборов новых членов в Академию по Отделению биологии в декабре 1987 г. В перерыве все толпились в вестибюле, и один ученый из провинции, только что избранный академиком, в состоянии эйфории рассказывал другому академику о Тимофееве-Ресовском: «Я сам видел фотографию, как Гитлер награждал его Железным крестом!»

Железный крест — это, конечно, ради красного словца. Но я пишу эти строки в дни, когда появилась в газете первая часть (Герои Социалистического Труда) Указа Президента от 16.Х.1990 о награждении орденами более 40 генетиков и селекционеров «за особый вклад в сохранение и развитие генетики селекции, подготовку высококвалифицированных научных кадров».

На какую награду мог бы претендовать Тимофеев-Ресовский, выстоявший против систем Гитлера и Сталина?

Среди его научных наград — итальянская Медаль Ладзаро Спалланцани, Дарвиновская планшета Леопольдины, Менделевская медаль ЧСАН, самая престижная для генетика — Кимберовская генетическая премия 1966 г., медаль Грегора Менделя Леопольдины.

В СССР он был удостоен звания Ударника коммунистического труда. В подборке «Друзья и враги» **** на стр. 114 дана фотография с видом изнутри научного центра на Торхауз. В левой половине была квартира Тимофеевых-Ресовских. Когда в сентябре 1987 г. я с Йохеном Рихтером приехал в Бух, в этой квартире жил (с 1949 г.) профессор Фридрих Юнг. На Нюрнберг ском процессе Юнг был экспертом по вопросам химической (и радиационной) стерилизации людей. Я не удержался от вопроса о характере опытов Тимофее-

ва-Ресовского. Юнг свидетельствовал, что он ознакомился со всеми документами по этой проблеме, и категорически утверждал, что Тимофеев-Ресовский к каким-либо криминальным опытам отношения не имел. Юнг добавил, что Тимофеев-Ресовский занимался лишь фундаментальными исследованиями, «чистой наукой». Видный деятель СЕПГ и АН ГДР Роберт Ромпе, знавший Тимофеева-Ресовского в 30—40-е годы, возразил мне, что источники клеветы следует искать в Москве, а не в Берлине.

Тем временем, в ответ на ходатайство летом 1987 г. о реабилитации Тимофеева-Ресовского de jure, возникла очередная, очень мощная кампания клеветы, образцово скоординированная, продолжающаяся по сию пору. Тогда-то и Г. А. Середа был втянут в кампанию против Тимофеева: делал вычисления откровенно безграмотного свойства (ошибка в результате в 20—30 тыс. раз). Я приложил перевод и послал эти аргументы (цитированные «Нашим современником») своему американскому коллеге Дайэн Пол, занимающейся Тимофеевым-Ресовским. Через некоторое время от нее пришла копия письма классика медицинской радиологии Робли Эванса, который резюмировал свою оценку аргументов Мюллер-Хилла * и Середы следующим энергичным выражением: «Соединив две поговорки, слепой поводырь слепых завел туда, где сам черт ногу сломит».

В августе 1989 г. зам. Главного военного прокурора и начальник реабилитационного отдела В. Г. Провоторов принял инициатора обращения о реабилитации, Е. С. Саканян, и заявил ей, что из ГДР пришли документы, свидетельствующие о сотрудничестве Тимофеева-Ресовского с нацистами, и что на этом основании в реабилитации будет отказано.

Тут как раз был гость из Берлина, работавшая там Д. Пол, которая рассказала об этой истории Й. Рихтеру и другим общим друзьям в ГДР. Некоторые из них участвовали в экспертизе деятельности Тимофеева-Ресовского, предпринятой по просьбе Главной военной прокуратуры СССР и проводившейся в течение года со всей немецкой тщательностью. Они возмутились, но и расстроились, решив, что я могу поверить заявлению Прокуратуры. Вот поэтому-то я располагаю текстом экспертизы. Краткий итог ее следующий:

«Резюмируя, эксперты установили следующее:

Из представленных документов и из материалов, подвергнутых дополнительной оценке, вытекает, что исследования, которые проводил советский ученый

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, никогда не способствовали тому, чтобы сознательно укреплять фашистскую диктатуру в Германии, либо предоставлять фашистам средства для ведения войны».

Так что я имею право назвать заявление Главной военной прокуратуры — фальшивкой. В письменном виде фальшивка имеет № 3—39076—45 и дату 27 октября 1989 г. Вот текст, мои комментарии в квадратных скобках:

«Расследованием установлено [на основании экспертизы АН ГДР], что Тимофеев-Ресовский Н. В., будучи гражданином СССР [с 1937 г. его паспорт не продлевался — он был апатрид] и руководя [неверно] германским государственным [неверно] научно-исследовательским учреждением, лично сам и совместно с подчиненными сотрудниками занимался исследованиями, связанными с совершенствованием военной мощи фашистской Германии [ложь!], ведущей тотальную войну против Советского Союза, чем совершил измену Родине [апатрид этого сделать не может] в форме перехода на сторону врага [ложь!], т. е. преступление, предусмотренное ст. 58-I«а» УК РСФСР (в редакции 1926 г.) [неверно: в редакции 1934 г.].

Оснований для постановки вопроса об отмене состоявшегося [1946] по делу судебного решения не имеется.

Помощник Главного военного прокурора Н. Л. Анисимов»

Рядом с указом о награждении генетиков помещено постановление Верховного Совета СССР об освобождении т. Сухарева от обязанностей Генерального прокурора СССР. При смене начальства удобно пересматривать нелепые решения, явно компрометирующие ведомство,— вроде отказа реабилитировать Тимофеева-Ресовского. Кто-то займется этим? Быть может, советник юстиции III класса В. И. Илюхин, недавно возглавивший прокурорский надзор за КГБ. На вопрос обозревателя «Литературной газеты» В. И. Илюхин ответил: «...Дело же Тимофеева-Ресовского нужно рассматривать заново — по вновь открывшимся обстоятельствам. Из Германии пришло письмо ученых, свидетельствующих: научные разработки Тимофеева-Ресовского в период его пребывания в довоенной Германии не работали на вермахт и на службу

В. Бабков Докторская степень Н. В. Тимофеева-Ресовского

См.: Берг Р. Л. Охранная грамота для Зубра // Человек. 1990. № 2.

XXXXXX

ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Без гипноза // Лит. газ. 1990. 17 октября.

Московские новости, 1990. 8 июля. Гиммлера» *. Эти две фразы вводят в заблуждение, так как содержат ряд неточностей (мной подчеркнутых.— В. Б.). На свой запрос советская прокуратура получила официальный ответ от партнера из ГДР (из прокуратуры или госбезопасности) в мае 1989 г. Из приложенной к ответу официальной экспертизы АН ГДР, касающейся деятельности Тимофеева-Ресовского в период войны, я привел самую краткую цитату,— более полная напечатана в «Московских новостях»: «...Я родился русским, и не вижу никаких средств изменить этот факт...»**.

Однако вернемся к истории с присвоением докторской степени.

С 1964 г. Николай Владимирович заведовал Отделом радиобиологии и радиационной генетики и лабораторией экспериментальной радиационной генетики Института медицинской радиологии АМН в Обнинске. Тогдашний директор института Г. А. Зедгенидзе вспоминает: «Никаких документов нет у него, об образовании, об ученой степени. Ну, его зачислили все-таки... Мы его зачислили на должность заведующего отделом с окладом 95 рублей. Представляете себе? А ее, его жену, Елену Александровну, она кандидат биологических наук,— на 175 рублей. Он говорит: «Нам с Лелькой хватит». Знаете, начал работать...»

Зедгенидзе обращался к зам. председателя ВАКа В. Н. Столетову — и узнал, что утверждение отложено: «по политическим мотивам». К председателю ВАКа В. П. Елютину обращался Сукачев с группой ученых — дело без движения.

Финал докторской эпопеи рассказал Владимир Павлович Эфроимсон. 15 октября 1964 г. он узнал, что Хрущев смещен, Суслов назвал Лысенко проходимцем. На следующий день темпераментный Эфроимсон помчался в Обнинск, сообщить Тимофееву-Ресовскому о новых перспективах генетики. Сидят они, разговаривают — звонок. Столетов поздравляет Тимофеева-Ресовского с присуждением ему степени доктора биологических наук. Тимофеев-Ресовский отвечает: «Оказывается, чтобы дать мне докторскую степень, надо было всегонавсего снять премьера!»

Для такой фразы недостаточно острого ума — надобно иметь судьбу, которая выпала Николаю Владимировичу Тимофееву-Ресовскому.

ПРОКУРАТУРА Сощая Советских Социалистических Распублик

ГЛАВНАЯ ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

27. OKTRODA 198 9 r.

119852, Москва, Хользунов переулок, 14.

Hen.Bx. No

OHPVAH RNIKTOOHIN RAHALAGHEEL BOMILING XHHEEPV N XHEERIKUIOII

TOB. CAKAHHH E.C.

I25445, Москва. Валлайский пр., д.16

При ответе ссилайтесь на наш номер и дату Елена Саркисскиа, Ваше заявление от 19 января 1988г., апресованное Генеральному прокурору СССР по вопросу реабилитации профессора Тимофеева-Ресовского Н.В. передано в Главную военную прокуратуру и рассмотрено.

Расследованием установлено, что Тимофеев-Ресовский Н.В., бугучи гражданином СССР и руководи германским государственным научно-исследовательским учреждением, лично сам и совместно с подчиначными сотрудниками занимался исследованиями, связанными с совершенстворанием военной моши фашистской Германии, ведущей тотальную войну против Советского Союза, чем совершим измену Родине в форме перехода на сторону врага, т.е. преступление, предусмотренное ст.52-Г"а" УК РСССР (в редакции 1926г.).

Сснований для постановки вопроса об отмене состоявшегося по делу судебного решения не имеется.

полошенк главного всенного прокурора

н.л.анхевмов